

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Э18

Mark Edwards
BECAUSE SHE LOVES ME

Перевела с английского
Ольга Чумичева

Дизайнер обложки
Юлия Прописнова

Настоящее издание выходит с разрешения
Amazon Publishing, www.apub.com
при содействии *Synopsis Literary Agency*

Эдвардс М.

Э18 Если она полюбит : [роман] / Марк Эдвардс;
[пер. с англ. О. Чумичевой]. — СПб. : Аркадия,
2019. — 416 с. — (Серия «Вертиго»).

ISBN 978-5-907143-20-3

Что может быть интереснее и увлекательнее, чем исследование человеческих чувств, их оттенков и предельных проявлений? Любви – от романтического увлечения до мании, убийственного желания безраздельно обладать предметом своей страсти. Ревности – от страха потерять любимого до... До каких же пределов она может пойти?

Марк Эдвардс исследует, запутывает, мистифицирует и держит читателей в напряжении до самого конца романа.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

© Mark Edwards, 2014
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2019

ISBN 978-5-907143-20-3

Посвящается Арчи и Харри

Глава первая

— Посмотрите вверх.

За последние три месяца мои глаза проверяли множеством различных инструментов, оттягивали веки и корректировали лазером. На них воздействовали ярким светом и облучением, потоками воздуха и жидкостями. Их рассматривали, обсуждали, в них вторгались, приказывали закрывать и открывать. Они выдержали почти все, что только можно вынести. Поэтому, когда медсестра попросила меня посмотреть вверх, чтобы закапать лекарство, и предупредила, что будет немного щипать, я... ну, я уже не дергал веками и не жмурился. Ничего особенного.

Однажды летней ночью я почти ослеп. Лишь мастерство хирурга в офтальмологической больнице Мурфилдз, где я теперь находился в ожидании очередного осмотра, буквально спасло мне зрение. Тогда, после экстренной операции, проведенной в два часа ночи, мне сказали, что левый глаз вряд ли полностью восстановится. Но когда это все же произошло, я принял исцеление как первый знак того, что удача наконец повернулась ко мне лицом.

Второй знак — по крайней мере, так я думал в те пьянящие первые дни наших отношений — встреча с Чарли.

* * *

В свои тридцать я был самым молодым в холле больницы и единственным, кто оказался

здесь без сопровождающего. Седой мужчина в углу сидел рядом с женой, которая читала ему выдержки из журнала, одного из тех желтых изданий, которые наполнены рассказами о неверных супругах, семейном насилии и о детях, умирающих от рака. Напротив меня три пожилые дамы жались в кучку под плакатом о глаукоме, неподалеку от них сидел индеец — я подумал, что молодая женщина с ним, наверное, дочь. Двое стариков в темных очках прошли мимо, и один из них отпустил шутку о слепом, ведущем слепых.

Мне некого было попросить пойти со мной. Я был фрилансером, так что не имел коллег. Сестра Тилли была моим единственным здравствующим родственником, если не считать тетю и дядю в Сассексе, которых я не видел уже много лет, а личной жизни у меня тоже не было. Полагаю, я мог бы обратиться за помощью к подруге Саше, но она была занята — ей пришлось бы брать выходной, а я не хотел причинять ей неудобства.

Трудно признаваться в этом даже самому себе, но я чувствовал если не тоску от одиночества, то, по крайней мере, усталость от душевной пустоты. Дни и недели, последовавшие за операцией, я сидел на диване, пытаюсь не жалеть себя и не воображать, как хорошо было бы, если бы кто-то ухаживал за мной. Вот не разъехались бы мы с Харриет, то была бы у меня хоть соседка по квартире, а уж если бы родители были живы... Я презирал жалость к себе, но в те дни, когда мне приходилось спать сидя, а ориентация в пространстве была настолько нарушена, что я не мог свободно перемещаться по палате и тем более выйти на прогулку, мне необходим

был рядом человек, вместе с которым я мог бы посмеяться, в сотый раз наткнувшись на журнальный столик.

Теперь мне стало гораздо лучше, но сердце по-прежнему сжималось от боли при попытках уговорить самого себя, что я ни в ком не нуждаюсь и что мне нравится одиночество. Мне нужен был близкий человек, друг — я хотел разговаривать, заниматься сексом, любить и чувствовать себя любимым — и я был на грани того, чтобы искать знакомства в интернете. Вот так взять и принять «новогоднее решение», в следующем году непременно найти кого-нибудь.

Я взял со столика газету, перелистал ее. На четвертой и пятой страницах помещалась история, анонсированная на первой: большая часть страны с мрачным интересом следила за перипетиями судебного процесса над Люси Ньютон, помощницей по уходу в доме престарелых, которую обвинили в убийстве восемнадцати подопечных.

Темный Ангел — так называли ее таблоиды — стала вторым по известности современным британским серийным убийцей, новым Гарольдом Шипманом. Привлекательная, стройная, невозмутимая, вероятно, психопатка, она была настоящим подарком для редакторов газет; существовали десятки сайтов, на которых ее сторонники и хулители горячо спорили о ее вине или невиновности. Но пока я читал ее показания, в которых она утверждала, что ее настраивала на злодеяния бывшая соседка, капли начали действовать, мои зрачки расширились, и я уже не мог сосредоточиться на тексте или даже отчетливо разглядеть что-либо на расстоянии вытянутой руки.

Жаль, что я не сообразил прихватить с собой наушники. С момента операции я много времени уделял аудиокнигам, а каждая занимала меня на несколько дней. Теперь же оставалось только мечтать и наблюдать за людьми вокруг.

Через полчаса я погибал от скуки. Потом вспомнил, что в коридоре есть аппарат для продажи кофе. Я порылся в кармане и вытащил телефон, ключи, несколько листков бумаги, глазные капли, прежде чем нашел фунт. Стоя и пытаюсь манипулировать сразу несколькими предметами — три пожилые дамы заинтересовались моими упражнениями, — я все же ухитрился уронить монету.

Пришлось перевести дыхание и, тихо выругавшись, последовать за ней, пока она катилась по коридору; в итоге я столкнулся с проходившей мимо молодой женщиной.

— Простите, я...

Я осекся, слова застряли в горле. Хотя мои зрачки были расширены, я смог вполне ясно разглядеть ее; на самом деле, гораздо яснее, чем кого-либо за долгое время. Она была красивой. Рыжие волосы спадали на плечи, густая челка. Огромные зеленые глаза. Полные губы изысканной формы. Немного веснушек. Белая блузка и юбка-карандаш, на шнурке бейдж больницы. Я почувствовал себя так странно, что не мог сосредоточиться даже для того, чтобы прочитать ее имя или должность.

Девушка присела и извлекла мою фунтовую монету из-под своей туфли, и я смог разглядеть контур татуировки на ее лодыжке — яркий проблеск цвета, скрытый под консервативными черными колготками. Ей было, вероятно, около двадцати шести, но выглядела она взрослее меня, одетого в поношенные джинсы и кардиган.

Глаза девушки сияли и лучились, пока она передавала мне поднятые деньги.

— Рекомендую горячий шоколад, — у нее был мягкий северный акцент.

Я уставился на нее. Честно говоря, если бы кто-нибудь попросил меня прежде описать идеальную женщину, она была бы именно такой. Она словно воплощала в себе всех девушек и женщин, которые сформировали мое представление о совершенстве: девочка, которая сидела передо мной в начальной школе; разведенная дама по соседству, вышедшая на порог, чтобы забрать почту, в шелковом черном пеньюаре; звезда моего любимого телешоу; первая девушка, которую я поцеловал. Вот он — идеал, стоящий передо мной.

— Здешний кофе — просто коровья моча, — сказала она, и глаза ее лукаво блеснули.

Я в отчаянии искал остроумный ответ, а она улыбалась мне. Честно говоря, пройдут годы, прежде чем я придумаю нечто уместное, но тут я услышал свое имя.

— Эндрю Самнер?

Это был Ясир Маккави, консультант-офтальмолог, мужчина с немного детским лицом, который наблюдал меня с момента операции. Теперь он стоял перед кабинетом и выжидающе смотрел в мою сторону.

Рыжеволосая женщина подарила мне прощальную улыбку и пошла дальше по коридору.

— Ну, судя по всему, с вашим зрением все в порядке.

— Что?

Доктор Маккави поднял бровь, и я понял, что все еще гляжу на удаляющуюся женщину.

Она свернула за угол и исчезла. Я хотел бежать следом.

Вместо этого я вошел в кабинет доктора и послушно выполнил все указания. Я смотрел на ухо мистера Маккави, потом левее, смотрел вверх и вниз, пока коралловый риф кровеносных сосудов не вспыхнул в моем напряженном глазу.

Доктор удовлетворенно кивнул:

— Отлично. Все просто отлично. Я могу выписать вас.

— О, благодарю Бога за это.

Он скрестил руки на груди.

— Знаете ли, Эндрю, я глубоко оскорблен этой логикой.

— Ну, вы же понимаете, о чем я...

Он ухмыльнулся:

— Все в порядке. Вам и вправду повезло. Чрезвычайно повезло.

На прощание я энергично пожал ему руку. Он выглядел ошеломленным, как будто никто никогда не делал этого раньше. Но я испытывал такую благодарность и облегчение, что хотелось броситься в сувенирный магазин и купить ему подарок.

Я покинул больницу, полный сил и радости. Закончился один из самых мрачных периодов в моей жизни. Я позабыл о рыжеволосой красавице в коридоре. Лишь одно имело значение: я снова здоров.

* * *

Теперь, после всего случившегося, трудно не задуматься о том, что и как могло произойти: если бы я не уронил ту монету, если бы моя консультация закончилась на пять минут позже,

если бы я не зашел в «Старбакс», а сразу отправился на станцию.

В той параллельной версии моей жизни все было бы иначе. Я назначал бы новые свидания по интернету. Я бы встретил милую девушку. Все пошло бы хорошо, и я бы не был одинок.

В том альтернативном будущем я бы не сидел сейчас среди дымящихся руин своей жизни, размышляя о возможном и невозможном.

Никто бы не пострадал. Никто бы не умер.

Глава вторая

Я спустился по улице до станции метро «Олд Стрит», Силиконовая Круговая¹. В этих местах обосновались многие из моих клиентов — веб-стартапы и небольшие издательства. Дизайнерское агентство, для которого я выполнял значительную часть своей работы, было расположено неподалеку от района Кларкенуэлл-Грин. Я веб-дизайнер, и хотя иногда кажется, что в Лондоне нас больше, чем крыс, тем не менее я без труда нахожу, как заработать на жизнь. У меня даже есть небольшие сбережения, хотя три месяца болезни без возможности работать изрядно истощили мой банковский счет. Надо позвонить Виктору, подумал я, спускаясь по ступенькам ко входу в метро.

Дело было в конце декабря, сразу после пяти вечера, и станцию заполняли люди с рождественскими покупками. Офисные работники, направляющиеся домой. Пожалуй, надо поздравить Виктора с Рождеством, когда вернусь домой, а заодно напому ему о своем существовании. К счастью, он с пониманием отнесся к ситуации и обещал найти мне работу, когда я буду готов вернуться. «По крайней мере, если

¹ Силиконовая Круговая — обиходное название развязки в районе метро «Олд Стрит», официальное название — Круговая развязка Олд Стрит. В этом районе расположено много инновационных компаний, откуда и название «Силиконовая», по аналогии с Силиконовой долиной. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

не начнется очередная долбаная рецессия», — сказал он по телефону, не в силах противостоять желанию прибавить нечто мрачное.

Я так погрузился в мысли о работе, деньгах и характере моего главного работодателя, что невольно замедлил шаг. Платформа показала мне переполненной и такой неприветливой, что у меня даже возникло искушение повернуть назад — пойти посидеть в пабе, пока не закончится час пик. Вот прибыл поезд и втянул в себя толпу пассажиров, оставив только тех, кто не очень спешил домой и надеялся, что вагоны следующего окажутся посвободнее. Я взглянул на табло, чтобы понять, как долго придется ждать... и тут увидел ее.

Женщину из больницы.

На мгновение я окаменел. Это был мой второй шанс. Но я все еще колебался. У такой потрясающей женщины определенно есть бойфренд. А может, и не один. Она из другой, высшей лиги. Мне ничего не светит. В голове промелькнуло не менее полудюжины самооправданий и поводов держаться в стороне.

Если бы я не был в таком смятении, я бы, наверное, ничего не стал делать, а потом бы просто забыл о ней. Но что-то заставило меня пробираться сквозь толпу, уверяя себя в том, что лучше услышать отказ, чем вообще не попытаться.

— Знаете, а вы были правы, — сказал я, добравшись до нее.

Она с удивлением подняла глаза.

— Кофе в больнице. И вправду похож на мочу. Хотя больше на конскую, а не на коровью.

Возможно, не лучший способ начинать отношения с небольшой безобидной лжи. Я не пробовал тот кофе. Но ничего другого просто не смог